

ОЛЬГА КОМАРОВА

Некоторые размышления о переводах «Бориса Годунова» на норвежский язык

О том, какое большое значение имеет «Борис Годунов» в творчестве А. С. Пушкина, писали многие. Особое внимание к тому, какую роль эта пьеса играла в становлении новой языковой нормы, привлек В. В. Виноградов (Виноградов 1935). В современных исследованиях его наблюдения развиваются и дополняются: «Двадцать три сцены трагедии отражают разные ситуации, в которых проявляется диалогическая и монологическая речь действующих лиц. Тексты этих сцен значительно отличаются друг от друга, в зависимости от того, кто говорит, о чем идет речь, к кому она обращена, какова ситуация общения. Стилистическая дифференциация сцен трагедии, речевая гибкость и подвижность монологов и диалогов рельефно отличают язык трагедии «Борис Годунов» от языка драматургии предшественников [...]» (Федоров 1993:109). Многие аспекты языкового новаторства Пушкина теряются для современного читателя, но мастерство речевой характеристики персонажей и стилистическое многообразие «Бориса Годунова» по-прежнему очевидны. Именно это и составляет основные проблемы для перевода. «Живое разнообразие сталкивающихся характеров и колоритных исторических эпизодов» (Лотман 1995:198) представляет собой весьма не простую переводческую задачу. Существует большая литература о специфике перевода драматургии, о проблемах построения фразы, рассчитанной на сценическое звучание (Kennedy 1995). В данной статье мы не затрагиваем этих аспектов.

Насколько мне известно, в Норвегии есть два перевода трагедии, которые разделяет не только временное расстояние почти в 20 лет, не только то, что они осуществлены на разные нормы норвежского языка, но и позиция переводчиков. Я попытаюсь проследить,

как и в чем это выражается при решении конкретных переводческих задач.

Имя автора первого по времени перевода несомненно хорошо известно скандинавским славистам. Литературный подвиг Улафа Рюттера (1903-1992) заключается в передаче на новонорвежский (нюнорск) произведений Пушкина, среди которых некоторые поэтические шедевры, роман «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии» и «Борис Годунов» (1974). Улаф Рюттер, ученый-славист, университетский преподаватель и дипломат, переводчик со славянских языков, посвятил многие годы напряженной творческой деятельности пропаганде гения Пушкина в Норвегии. Избранная им языковая форма обладает возможностями передачи как исторической и архаичной лексики, так и гибкостью просторечья. Его перевод «Евгения Онегина» впервые познакомил норвежских читателей с онегинской строфой и русской рифмой.

Второй перевод «Бориса» появился почти через двадцать лет и является любопытным свидетельством живого интереса к творчеству Пушкина, существующего в культурной жизни Норвегии. Перевод Эрика Бюстада (1992) является обработкой подстрочника, выполненного Кнюдом Хорнхейм, переводчик (р. 1952) — сам поэт и литературный критик, удостоенный приза норвежской критики, много переводивший Шекспира, сознательно ставит перед собой высокую цель представления русской трагедии в языковом облике классической драмы. Переводчик, опираясь на подстрочник, стремится максимально точно передать русский текст с помощью шекспировской строфы, что, как мне кажется, несколько обедняет разнообразие строения текста в оригинале.

Оба переводчика в представлении своих переводов читателю отмечают высокие литературные достоинства оригинала и сообщают краткую историю создания пьесы. Второй перевод, кроме того, дополнен обширным историческим и лингвистическим комментарием.

Переводчики прекрасно выполняют поставленную задачу и любовно и бережно воспроизводят пушкинский текст, стараясь донести до читателя все богатство его содержания. Однако в обоих переводах происходит одно досадное отклонение от пушкинского замыс-

ла. В литературоведении неоднократно отмечалось, какую важную роль выполняет у автора способ наименования самозванца, когда и как Пушкин позволяет себе назвать его «царевич» или «Димитрий», «Гришка» или «Григорий Отрепьев» (Рассадин 1977). Сопоставление норвежских переводов с оригиналом позволяет говорить об известных ограничениях, которые накладывает перевод при передаче этого аспекта пушкинского текста. Оба переводчика чаще всего имеют Димитрия «Самозванцем», это облегчает публике понимание того, о ком идет речь, но расходится с авторским замыслом.

Например:

Самозванец. Краков.	Tronkrevjaren Grigorij Otrepjev (57)
Дом Вишневецкого. (65)	Tronpretendenten Grigorij Otrepjev (57)
Лес. Лжедимитрий.	Tronkrevjaren. Pusjkin. (88)
Пушкин. (107)	Pretendenten. Pusjkin (91)
Димитрий (гордо) (82)	Tronkrevjaren (byrg) (72)
	Pretendenten (stolt) (71)

Мы видим, что в трех различных сценах переводчики сохраняют еди-нообразие в представлении этого персонажа публике, тогда как у Пушкина способ обозначения всегда знаменателен, особенно в сцене у фонтана, где он впервые представляет беглого монаха царевичем Димитрием.

Пушкин по собственному признанию «в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» (Пушкин 1958:164-165). Сложное переплетение церковнославянизмов, архаизмов, просторечия составляет языковую ткань трагедии. В норвежских переводах церковнославянизмы не доставляют переводчикам особых забот, за исключением слов, которые обозначают реалии (об этом будет сказано отдельно). Для перевода архаизмов и церковнославянизмов они пользуются соответствующими средствами собственного языка, подражая языку переводов Библии. На наш взгляд, ново-норвежский язык представляет переводчику большую свободу вариантов вследствие своей близости к древним

норвежским диалектам. Рютгер сам указывает на свое стремление передать эту особенность языка пьесы: «Jeg har prøvd å fylgje Pusjkins "arkaiserande" målføring, særleg der dei geistlege, Godunov sjølv og høgre embetsmen fører ordet» (Rytter 1974:10). Однако в переводе на букмол более четко сохранена образность церковной речи с ее устойчивыми и несколько торжественными оборотами.

Гораздо заметнее сложности при переводе разговорных и просторечных выражений, в которых большое значение имеют не содержательные, а эмотивные характеристики слова. Обратимся к примерам.

Агу! Не плачь, не плачь, вот бука, бука
тебя возьмет! агу! агу! не плачь! (17)

Gråt ikkje, ikkje gråt! Da kjem
eit troll og tek deg. Ikkje gråt, ja,
ikkje gråt! (19)

Så ikke gråt! Da kommer et
troll og tar deg! Så... så...
ikke gråt, vær stille. (17)

Плачь, баловень! (19)

Når gråt skal til, ligg ungen stille! (20)   Så gråt da, dumme unge! (17)

Для перевода просторечного «бука» оба переводчика использовали реалию собственного фольклора «троль», что представляется вполне адекватным решением, поскольку троль также несет в себе значение устрашения. Однако перевод «баловень» норвежским «глупый» вызывает возражение, т. к. в переводе утрачена коннотация любовного отношения матери к ребенку и нарочитого недовольства им, в первом переводе вообще отсутствует какая-либо оценочная характеристика, сохранена лишь содержательная — ребенок.

Подобное недостаточное внимание к эмотивности приводит временами к неожиданным последствиям. Сравним следующие реплики:

Пострел, окаянный. (31)

Fordømte kjeltring (30)

Den elendige slyngelen! (29)

Как известно, сцена с патриархом славится своим явно просторечным характером. «Пострел» в высказывании патриарха

содержит лишь характеристику беглого монаха как чрезмерно напористого, нетерпеливого человека, тогда как «проклятый мошенник» и «жалкий негодяй» в норвежских переводах содержат нравственную оцен-ку, отсутствующую в речи патриарха, еще не понимающего масшта-бов случившегося. Таким образом, подобный перевод реплики нару-шает авторскую трактовку персонажа и опережает логическое раз-витие действия трагедии.

Просторечие, совпадающее с обозначением реалий русской дей-ствительности того времени, оказывается чрезмерно сложной зада-чей. Так, в сцене в корчме выпущена в обоих переводах реплика о том, что монахи ничего не знают о своем попутчике, а он «может быть, кобылу нюхал» (39).

Между тем, обращение к словарю Даля или к комментирован-ному изданию трагедии показывает, что это выражение значит, что человек был порот.

Вообще сцена в корчме является очень трудной для перевода из-за просторечия хозяйки, из-за рифмованных присказок Варлаама. Лишь в одном случае в переводах сделана попытка отразить эту ха-рактерную особенность сцены:

Вольному воля А пьяному рай (38)

Ja, kvar si lyst, sa mannen og En fri mann gjør som han vil
den drukne kjem til paradiset (35) Og en full mann skuer paradiset (34)

В переводе Рюттера мы видим попытку выстроить внутреннюю рифму, но он делает это только один раз, во втором переводе такие попытки отсутствуют вообще, и в результате переводчики вынуж-дены убирать из перевода упоминание о «складности» речи Варлаа-ма:

Мисаил: Складно сказано. (38) Det var eit sant ord. (35)
Du kan få sagt det. (34)

В одном переводе появляется оценка достоверности «верно сказа-но», в другом — оценка умения говорить.

Интересную переводческую проблему представляет собой задача передачи иностранной речи, включенной в текст, а также ее пародийного звучания. Так, в сцене с наемными солдатами в одном переводе просто выпущена вся сцена с Мажеретом, но во втором найдено удачное решение:

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

Маржерет. Quoi? Quoi?

Ква! Ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные. (77)

Å jøye, jøye oss. Arveprinsen! Polakkene! Der kjem dei, der kjem dei!

(и далее пропуск до появления Лжедмитрия)

Det er ute med oss! Tsarevitsj! Polakkene! Der er de!

Margeret. Quoi? Quoi?

Kvak-kvak! Det passer deg, din utenlandske frosk, å kvekke mot en russisk prins. Men vi er ortodokse. (81)

Отметим, что переводчик сохранил звукоподражательность в пародии на французскую речь, а также русский барбаризм «tsarevitsj». Такой прием позволяет переводчику сохранить некоторый элемент иноязычной культуры.

Именно это составляет основную проблему при переводе реалий — в какой степени переводчик может сохранить непонятные и экзотические слова в тексте всего перевода. Посмотрим, какие переводческие решения предлагаются нам в разных ситуациях трагедии.

Одно из возможных решений находим при передаче на русский язык исторической реалии «разрядные книги», об уничтожении которых мечтает Басманов:

Разрядны книги

С раздорами, с гордыней родословной

Пожрет огонь (110)

då lista over embetsrang og ætt	da listene med adelsprivilegier
blir kasta beint på elden. (91)	— og all den splid og hovmod
	de har skapt — blir ildens rov. (94)

Мы видим, что оба переводчика сочли возможным передать значение реалии описательно — списки привилегий, списки родов и должно-стей, раскрыв таким образом содержание реалии.

Такой прием не всегда возможен, если реалия важна для понимания внутренней связи явлений. Посмотрим на реплику Шуйского:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
возьмет венец и бармы Мономаха (16)

В этой реплике упоминание Малюты для иностранного читателя бес-содержательно, и оба переводчика раскрывают для норвежского читателя ассоциативность этого имени — «палач Малюта» в одном переводе и просто «палач» в другом. Символы русской державной власти заменены в переводе реалией обычной королевской власти — короной:

ein trell, tatar, i slekt med denne bøddelen Maljuta, og sjølv i hug og hått ein våleg bøddel. Og han skal bera tsarens vigde krone? (16)	En trell, tatar, en slektning av en bøddel, og selv en bøddel innerst inne — han skal altså bære kronen på sitt hode (13)
--	--

Однако такое решение последовательного опущения столь важной для русской ментальности реалии приводит, на наш взгляд, к размельченности, легковесности аргументации в репликах персонажей трагедии. Например:

В угоду ли семейству Годуновых
Подымите вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха? (122)

Vil de slå lag med ætta til Boris og bera våpen mot vår rette tsar,	Går dere inn for slekten Godunov? Vil dere gå imot den rette tsaren?
--	---

den ekte sonesonen til Ivan (103) den strenge tsaren? (100)

В одном переводе возвышенное «внук Мономаха» заменено вполне конкретно «внуком Ивана Грозного» (что не совсем оправданно, поскольку Лжедмитрий выдавал себя за сына Ивана Грозного), во втором — просто «законный царь». В обоих переводах есть тенденция некоторого снижения стиля при передаче русских атрибутов власти, об этом еще будет сказано ниже.

Исторические реалии приходится или передавать реалиями собственной культуры или описывать. Конечно, можно опустить то, что переводчику представляется недостаточно важным или избыточным. Но всегда ли? Так, оба переводчика выпускают упоминание об Юрьевом дне в репликах бояр:

Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день
Так и пойдет потеха. (51) (пропуск)

Вот Юрьев день задумал уничтожить
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей прогнать ленивца!

Vi er kje herrar på vår eigen grunn. Vi eier ingen makt på egen grunn.
Jag ingen lathans. (48) Bli kvitt en latsabb? (48)

Для трагедии Пушкина упоминание об этом обычае связано непосредственно с отношением народа к отмене его Борисом, а следовательно и с отношением народа к Борису и самозванцу. Выпуская упоминание об этом дне и, таким образом, опасения бояр, переводчики утрачивают весьма важный смысловой компонент в замысле трагедии. Однако Пушкин вводит упоминание этого дня непосредственно в речь Гришки Отрепьева, а поскольку это отдельная реплика, выпустить ее переводчики не могут:

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! (40)
Ja, der fekk du ein fin dag! (36) Der har du, bestemor, din Jurijs dag. (36)

Один перевод сохраняет эмоциональную характеристику реплики «вот это чудный день!», второй буквально переводит реплику, что, на мой взгляд, должно поставить иноязычного читателя в тупик — о какой бабушке и о каком Юрии идет речь? Буквальный перевод идиоматического выражения, это самый беспомощный вариант. Это обидно, потому что перевод снабжен подробным комментарием, в котором подробно излагается смысл этой обычаи и его история.

В норвежских переводах, естественно, интересы норвежского читателя (зрителя) находятся все время в центре переводческого поиска. Временами переводчики облегчают публике восприятие текста, поясняя имена собственные или события и реалии русской жизни. Так, появляется комментарий к Малюте — «палач». Иногда решением бывает конкретизация имени, иногда его парафраза.

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право наследовать Феодору (12)

Ja, høyr no, fyrste, vi har erverett
til trona etter Fjodor. (16)

Vi, fyrste, skulle da ha rett til
tronen? (14)

царь Иван Васильевич (62)

tsar Ivan den strenge (56) at selv tsar Ivan vil skjelve i sin grav (55)

Мы видим в одном переводе вместо Феодора появляется просто «трон», в обоих переводах вместо Ивана Васильевича — Иван Грозный, это понятно, многообразие русских способов наименований и русских личных имен составляет большую сложность для восприятия.

Однако существуют некоторые способы номинации, которые связаны с определенными сложившимися традициями в русском представлении государственных деятелей, в изображении и оценке собственной истории. Посмотрим на некоторые примеры:

Патриарх

Ах он, сосуд дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? (31)

Han! Ein djevelens redskap! Men det er ikkje umaken verdt å melde frå til tsaren om dette. (31)

Han — et djevelens redskap? Men det har ingen hensikt å la tsaren få rede på dette. (29)

В обоих переводах оказывается утраченным важный момент характеристики реплики: патриархально-простонародное отношение к государю.

Пушкин

Сын Грозного... постой...

державный отрок,

по манию Бориса убиенный... (50)

Vit, son til tsar Ivan — men vent no
litt — Tronervingen er død. Boris
ber skulda (45)

Ivan den fjerdes sønn... men
vent... hans barn, som mistet
livet på Boris befaling (45)

Упоминание о царевиче Дмитрие как о «державном отроке» отражает не только его статус, который передан в переводе «наследник трона», но и уважительное отношение говорящего к этому статусу, некоторую торжественность его речи. Эти дополнительные коннотации в переводе исчезают, текст лишается важного эмоционального компонента. Мы увидим, что последовательное снижение эмоциональной насыщенности приводит к не свойственному русским снижению оценки собственной государственности и истории.

Борис

Допрашивать царей, царей законных

Назначенных, избранных всенародно

Увенчанных великим патриархом? (54)

og krov til regnskap
lovgilde tsarar
som folket valde, patriarken signa?
(61)

og gikk i rette med en
tsar som var
blitt valgt av folket,
kront av patriarken (54)

я приемлю власть великую (59)

nå har de sett meg taka hand om

nå har jeg sagt ja til

styret (21) makten (20)
 священное на власть благословенье (59)
 send ned di velsigning (21) gi Din velsignelse til ham du elsket (20)

В обоих переводах точно передан смысл реплик, но не их дополнительная характеристика, отсутствует казалось бы всего одно прилагательное, но именно в нем заключается эмоциональное отношение говорящего, оценка им конкретного персонажа или явления. К сожа-лению, такое эмоциональное обеднение текста происходит довольно последовательно. Еще один пример:

Пимен

Кромешники в тафьях и власяницах

Послушными являлись чернецами

А грозный царь игуменом смиренным (27)

I all sin brikne stas og helgebunad	Iført kalotter, kledd i grove drakter,
hans hoffmenn tedde seg lik	var hoffet som en samling
blyge munkar,	fromme munkar,
og tsaren likna på ein vørdsam	og tsaren lignet selv en aktet
abbed. (27)	abbed. (25)

Отметим, кстати, неожиданное в очень корректном переводе Рюттера искажение реалий «тафья» и «власяница», в переводе придворные обряжены в праздничные одежды.

Вполне возможно, что для иностранного восприятия кажется непривычным обыкновение русских говорить о своих «великих» царях, «великом государстве», «славном времени» и т. д., но такое отношение к собственной стране, власти и истории является характерной чертой русского менталитета, и на наш взгляд переводчик едва ли вправе так корректировать перевод, что исчезает этот важный аспект русской духовной культуры.

Такое искажение появляется часто из-за нежелания переводчика вносить иностранную реалию, но в результате исчезает важный смысловой компонент, как в переводе следующей реплики, где в обращении к сыну у Бориса вдруг зазвучали властные ноты, сигнализирующие его переход к государственным делам. То же и в от-

ветной реплике Федора. К сожалению, оба переводчика не сочли нужным передать это столь драматически значимое изменение в тональности целой сцены:

Борис

Димитрия! Как? этого младенца!

Димитрия! Царевич, удались. (60)

Dimitrijs namn? Korleis heng det i hop? Dimitrij? Jeg må be deg gå,
 Dimitrij? Eg må be deg gå, min son. (54) min sønn. (53)

Феодор

Государь! Дозволишь ли (60)

Kan eg få lov... (54)

Far, gi meg lov til... (54)

Отношение переводчиков к «мелким деталям» может откликнуться утратой эмоциональных характеристик персонажей. Так происходит, например, при переводе следующих реплик.

Самозванец

Я в красную Москву

Кажу врагам заветную дорогу (86)

Eg fylka Litva mot Russland, Jeg fører en arme mot brødre for jeg
 syner fienden ein veg som fører har fylket Litauen mot Russland.
 til den fagre stad Moskva. (86) Jeg leder fienden imot Moskva. (75)

Важный для состояния Самозванца мотив предательства подчеркнут эпитетом «заветная» о дороге, что не отражено ни в одном переводе.

Пушкин

Быть

Такой грозе, что вряд царю Борису

Сдержать венец на умной голове (51)

Så ille, at det knapt vil lukkast så vil det trekke opp til uvær snart
 for Boris å berge krona for og det vil bli så kraftig at Boris nok
 sitt hovud. (47) neppe berger kronen på sitt hode.
 (47)

Эпитет «умная» в речи боярина отражает его оценку Бориса, что не нашло отражения в переводах. Иногда такой пропуск имеется только в одном из переводов:

о жребии несчастного младенца (30)

om lagnaden til denne unge
 gutten (30)

om skjebnen til den stakkars, lille
 gutten (28)

Наши наблюдения подтверждают, что в практике перевода не бывает мелочей, что текст как целое зависит от внимательного отношения переводчика ко всем компонентам оригинала.

Вообще, переводчики «Бориса Годунова» достаточно свободно относятся к обращениям, включенным в реплики персонажей. Возможно, стремление к смысловой точности перевода, соображения «удобства» реплики для ее устного воспроизведения тоже играют свою роль. Однако, с точки зрения стратегии перевода, способ обращения персонажа к другим тоже является важной художественной характеристикой. Обратимся к некоторым примерам.

Пимен

Брат Григорий (29),

Ты грамотой свой разум просветил

Bror! Du har alt styrt ditt vit
med lærde studiar (29)

Grigorij, skrivekunsten har
du lært (27)

Мы видим, что один перевод сохранил обращение «брат», а другой «Григорий», тем самым обращение лишилось своего этикетного монашеского характера.

В следующих случаях переводчик явно считает обращения «излишествами» и опускает их, т. е. происходит обеднение личности говорящего.

Мнишек

Пойдем же, брат.

(пропуск)

Kom så, min bror.

Вишневецкий

И дело, друг, пойдем (73)

Ja, vel (65)

Ja, utmerket, vi går. (64)

Шуйский

Ну, гости дорогие,

(пропуск)

Nå, mine kjære gjester.

Последний ковш (48)

Den siste skåla! (44)

En siste skål (44)

Когда опускаются личные имена, переводчик, возможно, не хочет утомлять публику лишними русскими созвучиями:

Поляк

Собаньский, шляхтич вольный. (60)

Friboren adelsman. (60)

Sobanskij, adelsman (59)

В переводе Рюттера имя опущено, но подобные примеры можно най-ти и во втором переводе.

Самозванец

Рад вам, дети.

Ко мне, друзья. — Но кто,

скажи мне, Пушкин —

Красавец сей?

De er velkomne her. Stig bera frem

Men kva er det for vakker kar? (59)

Kom bare hit bort, venner.

Men si meg, hvem er denne vakre
mannen? (57)

Мы знаем, что для Пушкина было очень важным вывести на сцену двух Пушкиных. Очевидно, что переводчики игнорируют этот существенный для автора мотив.

Сопоставление норвежских переводов с оригиналом позволяет говорить о некоторых практических решениях основных теоретических проблем перевода художественного текста: проблема сохранения национальной специфики в переводе, поиски передачи стилистического многообразия текста и т. д. В переводе Рюттера мы на-блюдаем известное облегчение текста за счет «снятия» элементов национальной специфики — географические и личные имена, неко-торые бытовые реалии. Автор компенсирует эти утраты путем рас-ширенной образности (распространение метафоричности) или описа-тельно. В переводе Бюстада многие русские реалии сохранены, ав-тор ближе к смыслу пушкинской фразы, но происходит некоторая унификация интонации.

Проведенный выше анализ переводов был направлен на то, чтобы показать, каким образом решение отдельных переводческих трудностей отражается на передаче творческого замысла автора и адекватном представлении этого важного явления русской культур-ной жизни иностранному читателю.

ТЕКСТЫ

Пушкин А. С. Борис Годунов. Собрание сочинений. Т. 6. Москва.

Художественная литература. 1969.

Aleksander Pusjkin. Boris Godunov. Gjendiktning frå russisk ved Olav Rytter. Med innleiing og merknader. Oslo. Det Norske Samlaget. 1974

Aleksander Sergejevitsj Pusjkin. Boris Godunov. Gjendiktet av Erik Bystad. Basisoversettelse: Knud Hornshøj. Oslo. Gyldendal. 1992

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов 1935: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Москва-Ленинград.

Kennedy 1995: *Kennedy D.* Foreign Shakespeare. Cambridge University Press.

Лотман 1995: *Лотман Ю. М.* Пушкин. Биография. С-Петербург.

Пушкин 1958: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Москва.

Рассадин 1977: *Рассадин Ст.* Драматург Пушкин. Москва.

Федоров 1993: *Федотов А. И.* Пушкин — преобразователь русского литературного языка. Новосибирск.

Summary: Some Notes on Norwegian Translations of “Boris Godunov”

The first translation (1974) was made into *nynorsk* by Olav Rytter, who has also translated several other works by Pushkin. The author of the other translation (1992), into *bokmål*, is Erik Bystad, a recognized literary critic and translator of Shakespeare.

The specifically national features of the text present a lot of problems. In the Rytter translation one can trace an attempt to make the text easier to understand by leaving out some of the geographical and personal names. The Bystad translation is often closer to the original text, but less diverse in its rhythmic pattern.

Both translations illustrate how difficult it is to find a satisfying solution to the rhymed proverbs or plays on words. Russian standardized modes of address, mention of the tsars or certain historical events,

Pushkin's choice of the name for the pretender—all this presents at times unresolvable problems for the translators.

The analysis of the two translations not only lets us feel how important and responsible is the role of a translator in transnational cultural communication, but also illustrates some techniques of this magnificent art.

E-mail: olga.komarova@hum.uit.no